А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва **№ 130** **29 мая 2025 года**

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя В., его представителя – Ми. (письменное ходатайство от … года), адвоката М., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе В. от … года (вх. № … от …) в отношении адвоката М. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы … года вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по жалобе В. от … года (вх. № … от …), вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Адвокат М. в заседании Совета сообщил, что заключение Квалификационной комиссии им получено, поддержал свое письменное заявление от … года (вх. № … от ...), в котором указал, что Квалификационная комиссия, установив, что к адвокату не могут быть применены меры дисциплинарной ответственности вследствие истечения срока давности их применения, сделала недопустимые выводы о фактических обстоятельствах, которые по указанной причине не могли быть предметом ее рассмотрения. Этот довод он основывает на правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 16.06.2009 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса об административных правонарушениях…» и полагает, что она применима и к дисциплинарному производству в отношении адвоката. Кроме того, полагает, что вывод Квалификационной комиссии о том, что первопричиной всех содержащихся в жалобе претензий заявителя к адвокату является выдача В. поручения, носящего заведомо

незаконный характер, является произвольным. Наконец, обратил внимание Совета на то, что в ходе дисциплинарного разбирательства он неоднократно указывал, что большая часть представленной заявителем переписки относится к пересланной разным лицам переписке с адвокатом Г. и что эта переписка подвергалась редактированию. Адвокат М. просил Совет вынести решение о прекращении дисциплинарного производства вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

Заявитель жалобы В. в заседании Совета сообщил, что заключение Квалификационной комиссии им получено, с выводами Квалификационной комиссии не согласен, поскольку полагает, что адвокат М. должен понести ответственность за свои действия против его интересов.

Представитель заявителя В. – Ми., поясняя и дополняя в заседании Совета позицию ее доверителя о несогласии с выводами Квалификационной комиссии, указала, что в описательной части заключения Комиссией верно установлены обстоятельства взаимоотношений М. и В., однако В. не согласен с выводом Комиссии о том, что давал адвокату М. заведомо незаконные поручения. Запрос В. к юристу М., адвокатский статус которого В. не был известен на момент обращения и в процессе взаимодействия с ним, был о помощи в сохранении его бизнеса и имущества. Возражая против довода адвоката М. об истечении сроков его привлечения к дисциплинарной ответственности, указала, что после окончания консультационной помощи В. в 2020 году адвокат М. с 2022 года начал деятельность против интересов В. в условиях конфликта интересов с ним и с использованием полученных от него сведений, составляющих адвокатскую тайну. Полагает, что это нарушение является длящимся и продолжается и в настоящее время.

Рассмотрев и обсудив заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения. Вместе с тем, Совет полагает необходимым изменить обоснование этого вывода в силу следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что у заявителя В. возник конфликт с его двоюродной сестрой Б., в результате которого в Арбитражный суд города Москвы были поданы заявления и рассматривались дела о признании В. несостоятельным (банкротом), а также дела о банкротстве нескольких юридических лиц, которые, по утверждению В., находились под его контролем (управлением): ООО … «…» (собственник недвижимого имущества, расположенного в городе М.), ООО «…» (собственник недвижимого имущества, расположенного в городе .Р), ООО «…» (собственник недвижимого имущества, расположенного в городе Москва), ООО «…» (собственник оборудования для изготовления пластиковой посуды). В этой связи заявитель обратился к М. как к специалисту по урегулированию проблемной задолженности, адвокатский статус которого на момент обращения заявителю не был известен. Между заявителем и М. была достигнута устная договоренность о консультировании

и сопровождении как личного банкротства В., так и банкротства указанных юридических лиц, находившихся под контролем заявителя, в целях затягивания банкротных процедур и сроков рассмотрения дел судом, контроля хода банкротных процедур, для чего адвокатом М., действовавшим вне рамок адвокатской деятельности, была разработана и реализовывалась определенная схема действий. Какого-либо соглашения об оказании юридической помощи между ним и В. при этом заключено не было.

Так, адвокат М. в период с … года и до начала … года получал от заявителя различные документы, в том числе связанные с его спорами с Б. и их урегулированием, консультировал заявителя по вопросам налогообложения и иным вопросам, связанным с деятельностью ООО «…», ООО «…», ООО «…», ООО «…» и иных организаций, давал рекомендации относительно подготовки документов с их участием и совершал иные действия в соответствии с достигнутой с В. договоренностью. Помимо этого, из переписки усматривается, что заявителю как самим адвокатом М., так и с его участием направлялись документы, комментарии и «рабочие планы действий», связанные с завершением процедур банкротства ООО .«…» …, ООО «…», ООО «…» и личного банкротства заявителя, по вопросам голосования на собраниях кредиторов указанных лиц, а также по условиям мирового соглашения между заявителем и Б., в том числе в иностранных юрисдикциях. Эта переписка велась в … – .. годах.

В начале … года конфликт между В. и Б. был урегулирован, с ней были достигнуты определенные договоренности и заключены соглашения, в том числе в иностранных юрисдикциях, в ходе реализации которых производились определенные процессуальные действия также в российских арбитражных судах в делах о банкротстве В. и указанных выше подконтрольных ему юридических лиц (осуществлялось процессуальное правопреемство, заключались мировые соглашения и так далее).

С конца … года и в .. году адвокат М. неоднократно направлял заявителю по электронной почте различные варианты формализации (документирования) договоренностей, связанных с выходом компании «…» из реестра кредиторов ООО … «…», в том числе: варианты (проекты) договоров об оказании правовой помощи с самим адвокатом М. и с ООО «…», соглашений, обязательств, отчетов и иных документов к ним, в которых получателем «юридических услуг» были указаны как В., так и компания «В.», а также П., варианты письменного обязательства и договора ипотеки с разными залогодателями, которые должны были обеспечивать осуществление оплаты по договору об оказании правовой помощи. Из переписки усматривается, что адвокат М. не исключал возможность формализации соответствующий договоренностей путем заключения договора напрямую с заявителем В., однако никакие из перечисленных действий не совершались им в качестве адвоката и со ссылкой на имеющийся у него статус адвоката. Это обстоятельство не интересовало и заявителя В. в период взаимодействия с М., которого он воспринимал как специалиста по урегулирования проблемной задолженности и корпоративных конфликтов и именно в помощи такого специалиста был заинтересован. Об этом заявитель

В. прямо заявил в заседании Совета. В указанной переписке также не имеется никаких указаний на адвокатский статус М., в том числе и в направленных им заявителю проектах соглашений непосредственно между ними.

Между ООО «…» в лице генерального директора М. и ИП П. Е.О. были подписаны:

– Договор об оказании правовой помощи, датированный … года, и Дополнительное соглашение к нему, датированное … года;

– Соглашение, датированное … года, в котором согласован размер вознаграждения по Договору от … года и порядок его оплаты;

– Соглашение, датированное … года, в п. 1 которого содержится обязательство ООО «…» «*После государственной регистрации Управлением Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Р. области договора об ипотеке ... Юридическая фирма обязуется обеспечить подачу в Арбитражный суд г. Москвы заявления об исключении из реестра требований кредиторов ООО ... «...» по делу № ...требований Компании «...» (...), а также поддержание этого заявления в судебном заседании*» (п. 1 Соглашения);

– Договор об ипотеке, датированный … года и Дополнительное соглашение к нему, датированное … года (согласно штампу государственная регистрация ипотеки была произведена … года);

– соглашения, датированные …, ... и … года, об уменьшении размера задолженности по Соглашения от … года;

– Акт сверки расчетов за период с … по … года, датированный …года.

Из материалов дисциплинарного производства также усматривается, что адвокат М. в … году принимал участие в судебном заседании по делу о банкротстве ООО … «….» от имени кредитора ООО «…», в …, … и … годах – в судебных заседаниях по делу о банкротстве ООО …. «…» от имени кредитора «ООО …», а в … году – в судебном заседании по рассмотрению дела о банкротстве В. от имени кредитора ООО «…».

В жалобе В. выдвинуты против адвоката М. многочисленные дисциплинарные обвинения, а именно:

– в сокрытии своего адвокатского статуса и оказании юридической помощи без письменного соглашения об этом;

– в том, что адвокат М. путем шантажа и обмана убедил его в необходимости подписания задним числом договора об оказании юридических услуг между супругой заявителя и ООО «…», единственным участником которого является адвокат М., а также в необходимости документальной фиксации и обеспечении денежных обязательств перед ООО «…», и обманным путем убедил В. передать в залог недвижимое имущество, принадлежащее на праве собственности его супруге П.;

– во вступлении в нарушение положений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в трудовые отношения в качестве работника с ООО «…»;

– в оказании юридической помощи в деле о банкротстве ООО … «…» в условиях конфликта интересов и против его (В.) в лице подконтрольной ему

компании «...» интересов, в интересах подконтрольной адвокату М. компании «…»;

– в том, что адвокат М. принимал активное участие в судебных процессах, направленных на недопущение компании «…» в реестр требований кредиторов ООО … «…», используя при этом ранее полученные от заявителя сведения о внутренней структуре сделок, совершенных между заявителем и Б., что, по мнению заявителя, является нарушением адвокатской тайны, порочит честь и достоинство адвоката, подрывает доверие и умаляет авторитет адвокатуры.

Выдвинутые дисциплинарные обвинения адвокат М. последовательно не признавал, настаивая на том, что В. он никакую юридическую помощь, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», не оказывал, а оказывал юридическую помощь супруге В. П. в качестве исполнителя на основании договора с ООО «…», а также оказывал юридическую помощь компании «…».

Давая оценку доводам участников дисциплинарного производства и материалам дисциплинарного разбирательства, Совет приходит к выводу о том, что между М. и В. не только не сложились и не поддерживались взаимоотношения по типу «адвокат – доверитель», но никто из них и не стремился к установлению таких отношений, поскольку:

– В., по его собственному утверждению, искал не адвоката, а «специалиста по урегулированию проблемной задолженности», в задачу которого входило осуществление контроля за ходом банкротства самого заявителя и контролируемых заявителем юридических лиц;

– никаких договоров, содержащих существенные условия соглашения между адвокатом и доверителем, предусмотренных статьей 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ни в письменном, ни в устном виде между заявителем жалобы и адвокатом М. не заключалось;

– сведений о том, что адвокат М. представлял интересы заявителя либо иных лиц, которых заявитель характеризует как подконтрольные ему, в материалах дисциплинарного производства не имеется.

Подпунктом 1 пункта 1 статьи 20 Кодекса профессиональной этики адвоката установлено, что поводом для возбуждения дисциплинарного производства является жалоба, поданная в адвокатскую палату другим адвокатом, доверителем адвоката или его законным представителем, а равно – при отказе адвоката принять поручение без достаточных оснований – жалоба лица, обратившегося за оказанием юридической помощи в порядке статьи 26 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Статьей 6.1 Кодекса профессиональной этики адвокат установлено:

«1. В целях настоящего Кодекса под доверителем понимается:

– лицо, заключившее с адвокатом соглашение об оказании юридической помощи;

– лицо, которому адвокатом оказывается юридическая помощь на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного иным лицом;

– лицо, которому адвокатом оказывается юридическая помощь бесплатно либо по назначению органа дознания, органа предварительного следствия или суда.

2. При решении вопроса, связанного с сохранением адвокатской тайны, под доверителем понимается любое лицо, доверившее адвокату сведения личного характера в целях оказания юридической помощи».

Принимая во внимание совокупность описанных выше обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии у В. юридически значимых признаков доверителя адвоката М., а также о фактическом отсутствии между ними отношений «адвокат-доверитель» и взаимных намерений по установлению таких отношений, Совет приходит к выводу о том, что В. в анализируемых в настоящем дисциплинарном разбирательстве отношениях с адвокатом М. не являлся доверителем последнего в смысле, придаваемом этому статусу законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Кроме того, Совет отмечает, что претензии заявителя в шантаже и обмане со стороны адвоката М., в намеренном создании фиктивного документооборота в целях получения вознаграждения (личной имущественной выгоды) за обеспечение выхода иностранной компании «…» из реестра кредиторов ООО … «…», а также последующее неисполнение адвокатом М. соответствующих договоренностей находятся вне компетенции органов адвокатского самоуправления в силу того, что по своему существу они являются обвинением в совершении уголовно наказуемых деяний.

Согласно Разъяснению Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденному Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 28 января 2016 года (действует в редакции, утвержденной Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 19 апреля 2017 года, опубликовано на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» <http://www.fparf.ru>), компетенция квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно-наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации установлен УПК РФ. Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, определенном УПК РФ.

При таких обстоятельствах жалоба В. не может быть признана допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства и, соответственно, выдвинутые им претензии в отношении адвоката М. не подлежат оценке на предмет соответствия действий (бездействия) последнего требованиям законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката. По этой причине дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения. По этой же причине не подлежит рассмотрению и оценке в настоящем дисциплинарном производстве вопрос об истечении сроков применения к адвокату М. мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Кодексом профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем, Совет полагает необходимым указать адвокату М. на его обязанность неукоснительно соблюдать требования пунктов 3 и 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым адвокат не вправе вне рамок адвокатской деятельности оказывать юридические услуги (правовую помощь), за исключением деятельности по урегулированию споров, в том числе в качестве медиатора, третейского судьи, участия в благотворительных проектах других институтов гражданского общества, предусматривающих оказание юридической помощи на безвозмездной основе, а также иной деятельности в случаях, предусмотренных законодательством; в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. (регистрационный номер .. в Едином государственном реестре адвокатов) по жалобе В. от … года (вх. № … от …), вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы **С.Б. Зубков**